

— Да я вроде и не ругался. Сегодня же первый раз, — хоть в душе Мо Янь уже сотни раз кивнул, на словах он оставался непреклонен. — А ты забыл, как раньше со мной обращался?

Лю Чжэчжи задумался. Вспомнив, как он наказывал Змейку, не зная его истинной сущности, он смутился так, что снова захотел надеть маску.

Если Змейка — это Мо Янь, то его поступки и впрямь были... непристойными.

— Раньше я был неправ... — он хотел извиниться официально, но, подумав о своём нынешнем положении, не решился назвать его Демоническим Владыкой, чтобы не раскрывать карты. Вместо этого он, поколебавшись, произнёс: — Змейка.

Мо Янь замер. Он никак не ожидал, что тот извинится.

Но не успел он опомниться, как Лю Чжэчжи добавил:

— Впредь... не буду.

Мо Янь остолбенел.

Чёрт, неужели такое бывает?!

Я наконец-то смогу взять верх над Лю Чжэчжи!

Почувствовав, что его час настал, Мо Янь тут же обратился человеком и, приняв важный вид, холодно хмыкнул:

— Посмотрим на твоё поведение. И относись ко мне получше.

Лю Чжэчжи, который и сам так думал, без колебаний кивнул:

— М-м.

Пятьсот лет они были заклятыми врагами, а теперь должны были примириться и попытаться поладить. Для Лю Чжэчжи это было серьёзным испытанием.

На самом деле, он этого не хотел. Но чувства, которые он питал к Змейке, нельзя было так просто отбросить.

Он скучал по своему послушному Змейке, с которым они должны были прожить остаток дней, но боялся этого грозного Демонического Владыки. Это была дилемма. Оставалось лишь плыть по течению и смотреть, что будет дальше.

Если они смогут мирно сосуществовать, он будет притворяться, что ничего не знает, до самого конца. Это была лишь слабая надежда, но он готов был цепляться за неё, продлевая этот самообман день за днём.

В жизни не всегда нужно всё знать и понимать. Иногда лучше просто жить сегодняшним днём, наслаждаться моментом. Раз уж он выбрал этот путь, то готов был принять и последствия.

Его мысли были полны рассуждений о карме и Дао, чистые и без примеси мирских страстей. А вот Мо Янь был его полной противоположностью. Он просто парил от счастья.

И думал лишь о том, как бы его соблазнить.

Мысли о мести за прошлое промелькнули и исчезли. Теперь он хотел лишь, чтобы Лю Чжэчжи возместил ему все годы страданий — желательно, в постели, расплатившись своим телом.

Всё равно Лю Чжэчжи к таким вещам безразличен, к тому же он сам признал свою вину. Так что требовать возмещения было вполне справедливо.

Но говорить об этом прямо было бы слишком... нескромно. Будто он так изголодался.

Мо Янь обдумал всё и, приняв нехотящий вид, произнёс:

— Раз уж ты так говоришь, так и быть, я подлечу твоё тело.

Подлечить тело?

Лю Чжэчжи прекрасно знал, в каком он состоянии, и что вылечить его невозможно. Он хотел было отказаться, но Мо Янь продолжил с той же неохотой:

— Так и быть, отдам тебе свой изначальный Ян. Раз уж двойное совершенствование может помочь, давай попробуем.

Звучало как благое намерение, но Лю Чжэчжи, хоть и был безразличен к таким вещам, почувствовал неладное.

Демоны, конечно, славились своей распущенностью, сродни змеиной похоти, но он слышал, что во дворце Мо Яня бесчисленное множество красавиц. Даже если бы ему приспичило...

зачем ему мужчина?

Демонический Владыка Мо Янь был известен своей мстительностью. Может, он хотел унизить его таким образом, отомстив за прошлые обиды?

— Спасибо, не нужно.

Лю Чжэчжи отказался не из-за гнева, а просто потому, что не видел в этом смысла.

Он помогал Змейке пережить период страсти, потому что не мог смотреть на его мучения. Но быть игрушкой для Демонического Владыки, чтобы тот потешил своё самолюбие, — это было абсурдно.

Его предложение о двойном совершенствовании снова отвергли. Лицо Мо Яня потемнело.

Он, великий Демонический Владыка, по мановению руки которого любая красавица была готова стать его Демонической императрицей, не побрезговал мужчиной, а Лю Чжэчжи ещё и привередничает!

Один раз отказал — ладно. Но второй!

Хорошо, Лю Чжэчжи, жди! Придёт время, и ты сам будешь умолять меня о двойном совершенствовании, чтобы спасти свою жизнь!

Праведники от тебя отвернулись, кого ты из себя строишь!

Главное сейчас — выжить, а ты... даже за соломинку не хочешь ухватиться!

Мо Янь разозлился и, больше не говоря ни слова, слез с кровати и направился к письменному столу, собираясь в гневе переписывать книги, стоя на коленях перед благовониями.

Но, уже опустившись на колени и взяв в руки кисть, он вдруг вспомнил, что теперь он здесь главный, и тут же вскочил, недовольно бросив Лю Чжэчжи:

— Не буду переписывать. И стоять на коленях не буду.

— М-м.

Лю Чжэчжи знал, что это Мо Янь, и заставлять его переписывать книги и стоять на коленях было бы унижительно. Он и не собирался.

Такое быстрое согласие немного успокоило Мо Яня. После стольких лет унижений он наконец-то почувствовал себя хозяином положения. Он окинул покои взглядом и продолжил бунтовать:

— Впредь я не буду убирать в покаях. И стирать одежду не буду.

— М-м.

На самом деле, Лю Чжэчжи никогда и не просил его об этом. Он сам всегда вызывался.

— И не буду изучать Искусство чистого сердца.

— М-м.

— И не буду медитировать каждый день. И не буду называть тебя наставником.

— М-м.

— А ты сам скажи, разве не было жестоко с твоей стороны стирать одежду моей чешуёй и писать моим языком?!

— М-м, — Лю Чжэчжи не только согласился, но и серьёзно добавил: — Прости.

После стольких лет угнетения Мо Янь впервые почувствовал себя таким уверенным. Он глубоко вздохнул, едва сдерживая смех.

Вот это да!

Вот как со мной должны обращаться!

Видя, что он замолчал, Лю Чжэчжи сам спросил:

— Что-нибудь ещё?

— Пока всё. Остальное — как вспомню, — Мо Янь едва сдерживал улыбку, его вертикальные зрачки сияли от радости.

Давно пора было так! Лю Чжэчжи, ты издевался надо мной столько лет, потому что я не хотел с тобой связываться! А теперь иди и подумай над своим поведением!

О чём он думает, Лю Чжэчжи было совершенно неинтересно. Услышав, что он закончил, он встал, взял свою вчерашнюю сменную одежду и направился к выходу.

Улыбка на лице Мо Яня застыла.

— Ты куда?

— Стирать.

— Ты...

Мо Янь хотел было сказать: «Какая тебе стирка с твоим здоровьем, ты и так еле дышишь», но вспомнил, что сам только что заявил, что больше не будет для него стирать, и нахмурился.

Можно, конечно, использовать очищающее заклинание, но это может выдать его.

А если он снова начнёт для него стирать, то его слова окажутся пустым звуком.

А если позволить ему стирать самому... что, если он умрёт от усталости?

Мо Янь оказался в тупике. Он ломал голову, как бы и лицо сохранить, и одежду постирать, как вдруг весь пик Облачного Бамбука содрогнулся.

Кто-то ломал Великий массив Чёрной Черепахи.

Те, кто должен был прийти, всё-таки пришли. Лю Чжэчжи остался невозмутим. Он лишь спокойно отложил одежду и надел маску.

Не сопротивляясь, не прячась, он просто стоял и ждал. Ждал, когда массив падёт, и Дуань Чэнцяннь придёт, чтобы отправить его к демонам просить о мире.

Он хотел было, чтобы Мо Янь спрятался или снова обратился змеем и укрылся у него на теле, но, подумав о его характере, отказался от этой мысли.

Он точно не согласится.

Массив пал. Лепестки красной сливы, усыпавшие двор, осыпались от толчка. Лю Чжэчжи проводил их взглядом.

В его глазах увядающие цветы были важнее, чем предстоящий визит Дуань Чэнцяння и

требование отправиться на верную смерть.

Красная слива на снегу была прекрасна. А его поездка к демонам и его смерть — так, пустяки.

Лю Чжэчжи всё-таки не мог смириться с гибелью цветов. Мо Янь не уследил, как тот прокусил палец и кровью начертал в воздухе руну.

Когда Дуань Чэнцян со своей свитой прибыл, он застал его за спасением цветов с помощью искусства Ци Мэнь Дунь Цзя. Лю Чжэчжи, казалось, не замечал пришедших. Он спокойно и сосредоточенно заставлял опавшие лепестки, словно по волшебству, возвращаться на ветви.

В мгновение ока двор снова был усыпан цветущей красной сливой, и даже слышно было, как дрожат её лепестки.

Красная слива на снегу, пьянящий аромат. Бессмертный в белых одеждах и с белыми волосами, стоявший рядом, ничуть не терялся на её фоне, а, наоборот, притягивал взгляд. Высокий и стройный, с осанкой небожителя, он одним лишь приветственным жестом создавал картину неземной красоты.

— Приветствую, наставник.

Он называл Дуань Чэнцяня наставником, но сам выглядел куда более достойным представителем праведного пути. Разница между ними была как между небом и землёй.

Внешность — отражение души. Этот холодный и сдержанный человек, даже в маске, одним своим видом воплощал небесное изящество и чистоту разума, следующего воле Дао.

Как мог Дуань Чэнцян не ненавидеть его?

Раньше Лю Чжэчжи всегда затмевал его. Первый праведник, Бессмертный Владыка Чжэчжи. Ему не нужно было бороться за власть и славу, не нужно было интриговать. Он ничего не говорил, а мир уже почитал его как божество.

А он, его наставник... когда люди говорили о магистре Секты Цянькунь, они всегда добавляли: «Это наставник Бессмертного Владыки Чжэчжи». Словно только это и делало его достойным уважения.

Никто не видел, сколько он, Дуань Чэнцян, сделал для праведного пути. Все лишь восхищались Лю Чжэчжи, и одна лишь встреча с ним считалась великой честью.

К счастью, теперь этот ученик, который столько лет был ему бельмом на глазу, наконец-то исчезнет.

Дуань Чэнцянй подавил ненависть и зависть и, приняв отеческий вид, кивнул:

— Чжэчжи, не нужно церемоний. Я пришёл сегодня с другими магистрами и старейшинами, чтобы обсудить с тобой вторжение демонов. Ты долго был в уединении и не знаешь о нынешних волнениях. Я тебе всё расскажу.

— М-м.

Лю Чжэчжи лишь кивнул, не задавая вопросов. Он просто ждал, когда тот закончит. Он даже не пригласил их войти, так и оставшись стоять на пороге, заставляя гостей мёрзнуть на ветру и снегу.

Но даже так никто не посмел упрекнуть его в невежливости.

Бессмертный Владыка Чжэчжи был таким — холодным и отстранённым, никого не ставящим ни во что. Ему не нужно было соблюдать приличия.

Раньше Дуань Чэнцянй не обращал на это внимания, но теперь всё было иначе. Другие не знали, но он-то знал, что Лю Чжэчжи лишился сил и стал беспомощным.

И поэтому он решил сломить его гордость, унижить его перед всеми.

— Чжэчжи, ты не пригласишь наставника и других магистров и старейшин войти? В Секте Цянькунь не принято так встречать гостей.

В покои Лю Чжэчжи никому, кроме наставника и младшего брата-ученика, не было позволено входить. Об этом знали все Шесть миров. Это было знаком особого расположения, предметом зависти, и, естественно, об этом говорили.

Поэтому его требование повергло в шок всех, кто был за его спиной. Лю Чжэчжи и сам нахмурился.

Он не любил людей, а тем более — пускать посторонних в свои покои.

Но теперь... от него ничего не зависело.

Что ж, в конце концов, это не так уж и важно.

Всё, что не затрагивало его принципов, для Лю Чжэчжи было неважным. Он мог уступить.

Лю Чжэчжи молча посторонился, давая понять, что разрешает войти.

Дуань Чэнцянэнь знал, что он согласится. В его глазах мелькнуло торжество. Он усмехнулся и уже собирался войти, как вдруг из покоев вышел высокий силуэт, заслонив собой Лю Чжэчжи.

— Магистр, мой наставник не любит, когда в его покои входят посторонние.

На лице Мо Яня была улыбка, но в глазах — ни капли веселья, лишь ледяной холод.

— Вы — наставник моего наставника, и не знаете его правил? Или вы намеренно, прикрываясь приличиями, пользуетесь уважением моего наставника, чтобы унижить его?

Это было прямое оскорбление. Он мог бы выразиться и похлеще, но нужно было скрывать свою истинную личность, поэтому он сдержался.

Лю Чжэчжи не ожидал, что он внезапно выйдет и будет так дерзить. Он почувствовал, что это неправильно, и хотел было остановить его, но не успел он поднять руку, как тот, словно у него были глаза на затылке, перехватил его ладонь.

Мо Янь бросил на него сердитый взгляд.

Бесхребетный! Сам за себя постоять не можешь, так ещё и мне не даёшь!

Жди! Смотри, как я сейчас этого старого ублюдка в бараний рог согну!

<http://bllate.org/book/16980/1588891>